

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЕЖОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

(Жалоба № 22051/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 10 • Свобода выражения мнения • Неспособность к антиправительственным взглядам при вынесении приговоров о тюремном заключении без индивидуальной оценки протестующих, которые захватили и повредили помещения министерства

СТРАСБУРГ

29 июня 2021 г.

Настоящее постановление вступит в силу при обстоятельствах, указанных в п. 2 ст. 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЕЖОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

По делу «Ежов и другие против Российской Федерации»,
Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая
Комитетом, в состав которого вошли:

Пол Лемменс, *Председатель*,
Дмитрий Дедов,
Жорж Раварани,
Мария Элосеги,
Дариан Павли,
Аня Зайберт-Фор,
Пезтер Роосма, *судьи*,
и Милан Блашко, *Секретарь Секции Суда*,

Принимая во внимание:

жалобу (№ 22051/05) против Российской Федерации, поданную в
Суд в соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и
основных свобод (далее – «Конвенция») тремя гражданами Российской
Федерации, г-ном Сергеем Александровичем Ежовым, г-ном Олегом
Александровичем Беспаловым и г-ном Григорием Анатольевичем
Тишиным («заявители»), 18 мая 2005 г.;

замечания сторон;

Проведя совещание за закрытыми дверями 16 марта 2021 года и
1 июня 2021 года,

Вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный
день:

ВВЕДЕНИЕ

1. Главный вопрос в настоящем деле заключается в том, нарушило
ли судебное преследование и осуждение заявителей в результате их
участия в акции протеста их права, предусмотренные ст. 10 и 11
Конвенции. В 2004 году заявители, которые в то время были членами
объединения (Национал-большевистская партия), участвовали в
публичной акции протеста против введения нового закона,
замещающего социальные пособия в натуральной форме на мизерную
денежную компенсацию. Они были привлечены к ответственности и
осуждены за захват офиса Министерства здравоохранения и
социального развития в Москве во время акции протеста.

ФАКТЫ

2. Заявители родились в 1985, 1977 и 1986 годах, соответственно.
Их интересы представлял, соответственно, г-н Д. В. Аграновский, г-н
В. В. Варивода и г-н Д. В. Сирожидинов, адвокаты, практикующие в
Москве.

3. Власти Российской Федерации были представлены г-ном
Г. Матюшкиным, Уполномоченным Российской Федерации при
Европейском Суде по правам человека, а затем г-ном А. Федоровым,
Руководителем Аппарата Уполномоченного Российской Федерации
при Европейском Суде по правам человека.

4. Обстоятельства дела в том виде, в котором они были

представлены сторонами, могут быть изложены следующим образом.

I. ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ

A. События

5. В 2004 году заявители на момент событий, приведших к их осуждению, были членами объединения «Национал-большевистская партия» («НБП»).

6. На акции протеста в Министерстве здравоохранения и социального развития 2 августа 2004 года группа из примерно тридцати членов Национал-большевистской партии («НБП») собралась перед Министерством здравоохранения и социального развития (далее – «Министерство») в знак протеста против введение закона, преобразующего социальные льготы в натуральной форме (включая бесплатное пользование общественным транспортом, значительные скидки на коммунальные услуги, бесплатное местное телефонное обслуживание, бесплатное лечение, бесплатное ежегодное лечение в санаториях, бесплатные протезы и инвалидные коляски для людей с ограниченными возможностями, гарантированное трудоустройство для людей с ограниченными возможностями и множество других услуг), получаемые пенсионерами, ветеранами войны, инвалидами, жертвами политических репрессий советской эпохи, выжившими в блокаде Ленинграда во время Второй мировой войны и работниками ликвидации последствий Чернобыля (примерно 27 % населения) в денежную компенсацию в размере от 300 до 1 550 российских рублей в месяц (примерно от 8 до 45 евро по обменному курсу 2004 г.). Законопроект был подготовлен Министерством и в то время обсуждался в Российском Парламенте.

7. Члены НБП были одеты в форму сотрудников экстренных служб. Они оттолкнули охранника и ворвались в здание Министерства, забежали на второй и третий этажи и заняли четыре кабинета, сказав сотрудникам, которые в них работали, уходить, потому что были «учения экстренных служб». Затем они заколотили двери изнутри, используя пистолеты для гвоздей, и заблокировали их офисной мебелью. Впоследствии они размахивали флагами НБП из окон офисов, бросали листовки и выкрикивали лозунги, призывающие к отставке действующего в то время Министра здравоохранения. Они также запустили петарды и выбросили из окна портрет Президента России. Злоумышленники пробыли в офисе около часа, пока полиция не взломала двери и не арестовала их.

В. Уголовное производство в отношении заявителей

8. 5 августа 2004 года заявителям было предъявлено обвинение в грубом нарушении общественного порядка, совершенном организованной группой с применением оружия, что является преступлением, предусмотренным п. 2 ст. 213 Уголовного кодекса. В тот же день Замоскворецкий районный суд г. Москвы вынес постановление об их задержании на том основании, что они подозреваются в совершении особо тяжкого преступления и могут скрыться, воспрепятствовать расследованию уголовного дела или возобновить преступление.

9. 10 и 11 августа 2004 г. заявителям было дополнительно предъявлено обвинение в умышленном уничтожении и повреждении чужого имущества в общественных местах (п. 2 ст. 167 Уголовного кодекса).

10. В ходе судебного разбирательства заявители утверждали, что приняли участие в мирной акции протеста против отмены социальных льгот. Они заявили, что не собирались причинять беспорядки, скорее, они преследовали политические и социальные цели и прибегали только к своеобразным мерам, чтобы привлечь внимание к своему делу. Они отрицали уничтожение какой-либо мебели, а также применение или угрозу насилия в отношении сотрудников Министерства.

11. Суд зачитал показания охранника министерства, в котором говорилось, что он был напуган, так как думал, что идет вооруженная осада здания. Заявители толкали его, когда он пытался их остановить, они пробежали мимо приемной и поднялись на верхние этажи. Смотритель здания Министерства рассказала, что она вызвала полицию после того, как узнала, что группа молодых людей в респираторах проникла в здание. Шесть сотрудников Министерства и посетитель Министерства в тот день, г-н Д., показали, как заявители заняли здание. Двое сотрудников и г-н Д. заявили, что они были напуганы, потому что думали, что террористы захватывают здание. Четверо других сотрудников сказали, что они покинули свои офисы, когда заявители сообщили им о проведении учений аварийных служб. Ни один из свидетелей не сообщил о том, что был ранен.

12. 20 Декабря 2004 г. Тверской районный суд г. Москвы (далее – «Районный суд») признал заявителей виновными в хулиганстве (грубое нарушение общественного порядка) и умышленном разрушении и повреждении чужого имущества в общественных местах. Текст решения гласил:

«... В конце июля-начале августа 2004 г. неустановленные «лидеры» неофициального движения «НБП» решили провести несанкционированную акцию протеста перед зданием Министерства здравоохранения в связи с введением закона о преобразовании социальных пособий в натуральной форме и под предлогом выражения протеста против социальных реформ и отмены льгот.

...

Согласно своему плану для незаконного проникновения в здание правительства и проведения вышеуказанной акции протеста [заявители] приобрели и изготовили камуфлированную и другую рабочую форму со знаками различия МЧС Российской Федерации, респираторы, два гвоздика с не

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЕЖОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

менее чем двадцатью дробовиками и дюбелями, железные скобы, палки, флагштоки, петарды, флаги и антиправительственные листовки

...

Подсудимый Ежов рассказал, что ... они выбрасывали из окон листовки, выкрикивали лозунги, свидетельствующие о своем негативном отношении к руководству государства, а также в адрес министра здравоохранения, «Зурабов - враг народа», «Увольнение Зурабову». ... Он также утверждал, что протест был спонтанным, он не получал никаких указаний относительно того, что должно быть сделано внутри здания Министерства.

...

Своими действиями обвиняемые ... серьезно нарушили общественный порядок и нанесли значительный ущерб общественным интересам, дестабилизируя работу общественного учреждения на длительный период времени и выкрикивая антиправительственные лозунги. Они проявили явное неуважение к обществу и государственной власти, вытеснив сотрудников Минздравсоцразвития из своих кабинетов и выбросив портрет Президента Российской Федерации из окна государственного учреждения ... Они использовали pistols с гвоздями, которые могли причинить телесные повреждения [сотрудникам Министерства], и выбрасывали петарды из окон, создавая опасность причинения физического вреда гражданам и автомобилям на улице. Таким образом, суд приходит к выводу, что подсудимые совершили хулиганство.

Подсудимые совершали преступные действия как организованная преступная группа, которая была высоко структурированной, состоящей из большого числа членов и сторонников неофициального национал-большевистского движения, которые собирались вместе для совершения указанных преступлений ...

... доводы подсудимых о том, что они не имели намерения вызвать беспорядки и что их противоправные действия были мотивированы их обидой на обсуждаемый законопроект и их политическими взглядами, являются необоснованными. Подсудимые, являющиеся членами организованной преступной группы, вооружившись гвоздями, петардами и другими предметами, силой проникли в здание Министерства и ... умышленно повредили и уничтожили имущество. Это показывает, что у них было намерение вызвать беспорядки.

Подсудимые утверждали, что двери кабинетов № 270 и 318 были повреждены [полицией], и что подсудимые не несут ответственности за этот ущерб. Установлено, что двери были повреждены еще до приезда полиции ... поскольку подсудимые прибили их гвоздями ... Более того, [полиции] пришлось взламывать двери, чтобы пресечь незаконные действия членов организованной преступной группы ... ».

13. Районный суд приговорил каждого заявителя к пяти годам лишения свободы. Он также обязал заявителей выплатить Министерству 147 317 рублей (примерно 4 000 евро) в качестве компенсации за причиненный ущерб.

14. Заявители подали апелляцию. В частности, они жаловались, что были осуждены за участие в мирной акции протеста против отмены социальных льгот в России. Они не проявляли неуважения к обществу. Они также не прибегали к насилию и не угрожали. Третий заявитель также утверждал, что pistols для гвоздей не могут рассматриваться как оружие. Их использовали для того, чтобы закрыть двери, а не для того, чтобы ранить людей или угрожать им. Второй заявитель сослался на ст. 29 (свобода выражения мнения) и ст. 30 (свобода мирных собраний) Конституции.

15. 29 марта 2005 г. Московский городской суд (далее —

«апелляционный суд») поддержал постановление по этому протесту. В соответствующей части текст постановления гласит:

«Доводы подсудимых о том, что они не собирались устраивать беспорядки и участвовали в мирной политической акции протеста, являются необоснованными и не могут освободить их от ответственности за хулиганство. Выбрав такие способы самовыражения, участники акции поняли, что их действия нарушают установленные правила поведения в обществе, нарушают спокойствие граждан и работу общественного учреждения ... Таким образом, апелляционный суд согласен с выводами [Районного суда] о том, что подсудимые серьезно нарушили общественный порядок и проявили явное неуважение к обществу».

16. Апелляционный суд также поддержал выводы Районного суда о том, что пистолеты и петарды могут рассматриваться как оружие, что подсудимые, а не полиция, несут ответственность за материальный ущерб и что их действия, помимо дестабилизации работы Министерства, повлекли за собой значительные материальные убытки.

17. Однако апелляционный суд признал вынесенный приговор слишком суровым. Районный суд не принял во внимание, что первый заявитель (г-н Ежов) имел слабое здоровье и учился в университете, что третий заявитель (г-н Тишин) был несовершеннолетним, что никто из подсудимых не имел судимости или что все они имели хорошие рекомендации. Он сократил сроки заключения первого и третьего заявителей до двух лет и шести месяцев лишения свободы, а второго заявителя – до трех лет лишения свободы, что также включало четыре месяца содержания заявителей под стражей (с 2 августа по 20 декабря 2004 г.).

II. СООТВЕТСТВУЮЩАЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА

A. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

18. Ст. 91 (Основания для задержания подозреваемого) Уголовно-процессуального кодекса, действовавшего в то время, предусматривала следующее:

«1. Сотрудник, осуществляющий досудебное расследование, или следователь уполномочен арестовать лицо по подозрению в совершении уголовного преступления, наказуемого лишением свободы, при следующих обстоятельствах:

(1) если лицо было задержано во время или сразу после совершения преступления ... »

B. Уголовный кодекс Российской Федерации

19. Ст. 213 Уголовного кодекса, действовавшего на тот момент, предусматривала:

«1. Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, проявляющееся в явном неуважении к обществу и совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия ...

2. То же преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, или в связи с сопротивлением представителю власти или любому другому лицу, выполняющему обязанности

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЕЖОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

по охране общественного порядка или пресечению нарушения общественного порядка, наказывается лишением свободы на срок до семи лет».

20. Ст. 167, действовавшая на тот момент, предусматривала следующее:

«1. Умышленное уничтожение имущества или причинение имущественного ущерба, если этими действиями был причинен значительный ущерб ...

2. Те же деяния, совершенные при нарушении общественного порядка, в виде поджога, взрыва или иного опасного способа ..., наказываются принудительными работами на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок».

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТ. 10 КОНВЕНЦИИ

21. Заявители жаловались на то, что их преследование и осуждение за выражение своего мнения против отмены социальных пособий нарушили ст. 10 Конвенции, которая гласила следующее:

Ст. 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться иного мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая Статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

A. Приемлемость

22. Суд отмечает, что данная жалоба не является явным образом необоснованной согласно смыслу п. 3 (а) ст. 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

В. Обоснования

1. Представления сторон

23. Заявители утверждали, что содержание г-на Ежова под стражей нарушило, *среди прочего*, его права, предусмотренные ст. 10, и что оно не было оправдано, поскольку было основано исключительно на том факте, что у него не было постоянного места жительства в г. Москве. Кроме того, заявители утверждали, что их содержание под стражей не было оправдано, поскольку их дело не было особенно сложным, они не были членами организованной преступной группы «мафиозного типа», они не оказывали сопротивления при аресте и отсутствовали доказательства, что они будут заниматься преступной деятельностью, если не будут задержаны. Заявители, кроме того, утверждали, что их выкрикивание не оскорбительных антиправительственных лозунгов не должно было составлять уголовное преступление и что право на выражение мнения было предусмотрено Конституцией Российской Федерации. Они указали, что повторяющиеся ссылки в национальных решениях на их действия как представляющие неотъемлемую опасность для общества выявили предвзятость властей в отношении них и указали на то, что они подвергались преследованиям за свои политические взгляды. Заявители также утверждали, что их наказание было в высшей степени несоразмерно тяжести совершенного ими преступления, оказало негативное влияние на развитие гражданского общества в России и оказало сдерживающее воздействие на лиц, поддерживающих политическую оппозицию.

24. Власти утверждали, что судебное преследование заявителей за это уголовное преступление не вмешивалось в их свободу выражения мнений и собраний. Они также утверждали, что заявители не были привлечены к ответственности за свои политические взгляды или требования. Они были привлечены к ответственности за участие в массовых беспорядках, связанных с уничтожением государственного имущества. Их уголовное преследование и осуждение были предусмотрены национальным законодательством и преследовали законные цели защиты общественного порядка, возобновления нормального функционирования Минздравсоцразвития и наказания виновных. Санкции, наложенная на них, были соразмерны преследуемым целям.

2. Оценка Суда

25. Суд должен определить, имело ли место вмешательство в право заявителей на свободу выражения мнений, и если да, то преследовало ли оно одну или несколько законных целей, изложенных в п. 2 ст. 10 Конвенции и было ли это «необходимо в демократическом обществе» для достижения этих целей.

(а) Имело ли место вмешательство в осуществление права на свободу выражения мнения

26. Суд ранее постановил, что протесты могут представлять собой выражение мнения по смыслу ст. 10. Таким образом, протесты против охоты, связанные с физическим срывом охоты, или протесты против расширения автомагистрали, включающие насильственный въезд на строительную площадку и взбирание на вырубаемые деревья и на технику с целью препятствия строительным работам, были признаны выражением мнения, защищенного ст. 10 (см. дело *«Стил и другие против Соединенного Королевства»*, 23 сентября 1998 г., п. 92, Сборник постановлений и решений 1998-VII, и *«Хашмен и Харран против Соединенного Королевства»* [БП], № 25594/94, п. 28, ЕСПЧ 1999-VIII). Таким образом, арест и задержание протестующих представляют собой вмешательство в право на свободу выражения мнения (там же). Арест студентов, которые во время официальной церемонии в университете выкрикивали лозунги и поднимали транспаранты и плакаты, протестуя против различных действий администрации университета, которые они считали антидемократическими, также представляли собой вмешательство в право на свободу выражения мнений (см. дело *«Ачик и другие против Турции»*, № 31451/03, п. 40, 13 января 2009 г.).

27. Заявители по настоящему делу были арестованы на месте акции протеста против политики Властей. Они были частью группы из примерно тридцати человек, которые прорвались через проверки документов и безопасности в здание Министерства здравоохранения и заперлись в некоторых из его офисов, где начали скандировать лозунги и распространять листовки из окон. Им было предъявлено обвинение в участии в массовых беспорядках в связи с их участием в акции протеста, и они находились под стражей почти четыре месяца, по истечении которых они были осуждены по обвинению и приговорены к двум годам и шести месяцам лишения свободы (г-н Ежов и г-н Тишин) и к трем годам лишения свободы (г-н Беспалов).

28. Суд считает, что их арест, содержание под стражей и осуждение представляют собой вмешательство в право на свободу выражения мнения.

(b) Предписано законом

29. Заявители не оспаривали, что их арест и последующее уголовное преследование и осуждение были «предусмотрены законом», в частности, ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса (см. п. 18 выше) и ст. 213 и 167 Уголовного кодекса (см. пп. 19 и 20 выше). Таким образом, Суд будет действовать исходя из этого.

(с) Законная цель

30. Суд отмечает, что протест заявителей нарушил обычную деятельность сотрудников Министерства и привел к повреждению государственного имущества. Таким образом, Суд считает, что арест заявителей, их содержание под стражей, осуждение по уголовным

делам и помещение в тюрьму преследовали законные цели предотвращения беспорядков и защиты прав других лиц (см. дело «*Стил и другие*», упомянутое выше, п. 97).

(d) Необходимость в демократическом обществе

31. Критерий «необходимости в демократическом обществе» требует, чтобы Суд определил, соответствует ли вмешательство, относительно которого подана жалоба, «актуальной социальной потребности». Договаривающиеся государства имеют определенную свободу усмотрения при оценке того, существует ли такая необходимость, но она идет рука об руку с Европейским надзором, и Суд рассматривает обжалуемое вмешательство в свете дела в целом, включая содержание заявления против заявителя и его контекст. В частности, Суд должен определить, были ли причины, приведенные национальными властями для оправдания вмешательства, «относящимися к делу и достаточными», и была ли принятая мера «соразмерна преследуемым законным целям» (см. дело «*Татар и Фабер против Венгрии*», № 26005/08 и 26160/08, пп. 33-34, 12 июня 2012 г., с дальнейшими ссылками).

32. Что касается того, соответствовали ли рассматриваемые меры «наущной общественной потребности», Суд отмечает, что протест заявителей касался темы, представляющей общественный интерес, то есть предстоящего принятия спорного закона, и что они хотели привлечь внимание своих сограждан и государственных чиновников к их неодобрению. Суд, однако, считает, что они не имели права входить в здание, принадлежащее государству, такое как офисное здание Министерства, таким образом, как они это делали, чтобы выразить свое мнение (см. аналогичную аргументацию в деле «*Тараненко против России*», № 19554/05, пп. 77-78, 15 мая 2014 г.). Таким образом, полиция имела основания арестовать заявителей и выселить их из помещений Министерства с целью защиты общественного порядка и возобновления функций Министерства, и эти действия представлялись соразмерными преследуемой цели. Отвечает ли их уголовная судимость наущным социальным потребностям, будет зависеть от причин, указанных национальными судами, и соразмерности приговоров.

33. Суд также отмечает, что заявители были осуждены за грубое нарушение общественного порядка в результате их поведения во время протеста. Районный суд осудил применяемые ими методы как запрещенные законом (использование гвоздей для блокировки дверей, бросание петард на улицу, вытеснение сотрудников Министерства из своих офисов и нанесение ущерба имуществу). Таким образом, судебное преследование и осуждение заявителей были оправданы необходимостью привлечения к ответственности за совершение таких действий и предотвращения аналогичного преступления. Однако, как следует из текста национального постановления, так и национального суда в деле «*Тараненко*» (упомянутое выше, п. 92), Районный суд в настоящем деле не стремился установить, насколько это возможно, индивидуальную роль каждого из заявителей во время протеста, степень их участия и их индивидуальные действия во время протеста,

что лишило их возможности оспорить конкретные причины ограничения их свободы выражения мнений (см. дело *«Гюльджу против Турции»*, № 17526/10, пп. 113-14, 19 января 2016 г.). Не проведя индивидуальной оценки фактов в отношении каждого из заявителей, Районный суд отказал им в важной процессуальной гарантии против произвольного вмешательства в права, защищенные ст. 10 Конвенции (там же, п. 114; дело *«Хакобян и другие против Армении»*, № 34320/04, п. 99, 10 апреля 2012 г.).

34. Кроме того, Районный суд довольно четко осудил не только преступные действия, вменяемые заявителям, но также содержание и форму передаваемых ими сообщений («подготовленные ... антиправительственные листовки», «выкрикивания антигосударственных лозунгов», «демонстрирование явного неуважения к ... Государственной власти, ... выбросив из окна портрет Президента Российской Федерации») и наказал их за это политическое послание (см. аналогичную аргументацию в деле *«Степан Зимин против России»*, № 63686/13 и 60894/14, п. 76, 30 января 2018 г.). Поступая таким образом, Районный суд проявил определенную враждебность по отношению к политическим взглядам заявителей, которая трудно согласуется с обязанностью национальных властей по ст. 10 сохранять нейтралитет в отношении законных политических взглядов и не отговаривать других от критики политики Властей в целом. Районный суд счел антиправительственную риторику заявителей неприемлемой или даже преступной, таким образом выходящей за рамки узкой свободы усмотрения, предоставленной национальным властям в соответствии со ст. 10 в отношении политических выступлений, вопросов, представляющих общественный интерес, и критики правительства, все из которых пользуются высоким уровнем защиты от вмешательства государства (см. дело *«Беда против Швейцарии»* [БП], № 56925/08, п. 49, 29 марта 2016 г., с дальнейшими ссылками; см. также *«Инкал против Турции»*, 9 июня 1998 г., п. 54, *Сборник постановлений и решений* 1998-IV).

35. Таким образом, учитывая отсутствие какой-либо индивидуальной оценки роли каждого из заявителей в протесте и негативное отношение Районного суда к их политическому посланию, Суд не убежден, что причины, приведенные в поддержку осуждения заявителей, были «относящиеся к делу и достаточные» для целей п. 2 ст. 10 Конвенции.

36. Обращаясь к санкциям, наложенным на заявителей, Суд отмечает, что они были первоначально приговорены к пяти годам лишения свободы и что приговор был уменьшен до двух лет и шести месяцев лишения свободы для первого и третьего заявителей и до трех лет лишения свободы для второго заявителя. В этой связи Суд повторяет, что он с особым вниманием рассматривает случаи, когда санкции, налагаемые национальными властями за поведение, связанное с протестом, предполагают тюремное заключение (см. дело *«Тараненко»*, упомянутое выше, п. 87). Суд не считает, что санкция, наложенная на заявителей в настоящем деле, была соразмерна цели наказания за их преступное поведение в свете его прецедентной практики по данному вопросу (там же, пп. 81-89, для обзора Судом

санкций, наложенных национальными властями в разных странах за аналогичные преступления). Даже с учетом того, что поведение заявителей в настоящем деле было более разрушительным (в основном, из-за забивания дверей), чем действия заявителя в деле «Тараненко» (упомянутое выше), санкции, наложенные на нынешних заявителей (первые четыре месяца содержания под стражей, которые затем были исчислены как часть лишения свободы от двух с половиной до трех лет), тем не менее, были значительно более суровыми, чем санкция по «Тараненко» (содержание под стражей в течение года и трех лет лишения свободы с отсрочкой исполнения в течение трех лет), что предполагает, в целом, репрессивное отношение национальных властей к членам этого политического движения (см. п. 35 выше).

37. Вышеизложенных соображений достаточно для того, чтобы Суд пришел к выводу о том, что рассматриваемое вмешательство не было необходимым в демократическом обществе.

38. Соответственно, имело место нарушение ст. 10 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТ. 11 КОНВЕНЦИИ

39. Заявители также жаловались, что их судебное преследование и осуждение за участие в мирной акции протеста нарушили ст. 11 Конвенции.

40. Однако, принимая во внимание обстоятельства дела, доводы сторон и свои выводы в соответствии со ст. 10 Конвенции (см. пп. 25-38 выше), Суд считает, что нет необходимости рассматривать эту жалобу отдельно (см. дело «*Центр правовых ресурсов от имени Валентина Кампеану против Румынии*» [БП], № 47848/08, п. 156, ЕСПЧ 2014, с дальнейшими ссылками).

III. ПРОЧИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

41. Наконец, Суд рассмотрел другие жалобы, поданные заявителями в соответствии со ст. 3, 5, 6, 9, 14 и 18 Конвенции, и, принимая во внимание все материалы, находящиеся в его распоряжении, и в той мере, в какой они относятся к компетенции Суда, считает, что они не свидетельствуют о каких-либо нарушениях прав и свобод, изложенных в Конвенции. Из этого следует, что эта часть заявления должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с пп. 3 (а) и 4 ст. 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТ. 41 КОНВЕНЦИИ

42. Ст. 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд в случае необходимости присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

43. Заявители требовали 100 000 евро в качестве компенсации морального ущерба.

44. Власти заявили, что установление факта нарушения будет являться достаточной справедливой компенсацией в настоящем деле. Власти также утверждали, что требование заявителей о компенсации морального вреда было чрезмерным и необоснованным.

45. Суд считает, что заявителям был причинен моральный ущерб в результате установленного нарушения. Ущерб не может быть возмещен одним лишь установлением нарушения. Проведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителям 7 500 евро каждому в качестве компенсации морального ущерба плюс любой налог, который может взиматься.

B. Расходы и издержки

46. Заявитель не предъявил претензии в отношении расходов и издержек. Соответственно, Суд не присуждает компенсацию по этому пункту.

C. Штрафные проценты

47. Суд считает целесообразным установить процентную ставку за просрочку платежа в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Объявил* единогласно жалобу на вмешательство в право заявителей на свободу выражения мнения приемлемой;
2. *Признал* шестью голосами против одного, что имело место нарушение ст. 10 Конвенции;
3. *Постановил*, что нет необходимости рассматривать отдельно жалобу в соответствии со ст. 11 Конвенции;
4. *Объявил* оставшуюся часть жалобы неприемлемой;

5. *Признал* большинством голосов (6 против 1),
- (а) что Власти-ответчики должны выплатить заявителям в течение трех месяцев с даты вступления решения суда в законную силу в соответствии с п. 2 ст. 44 Конвенции 7 500 евро (семь тысяч пятисот евро) каждому, которые должны быть конвертированы в валюту Властей-ответчиков по курсу, применимому на дату урегулирования, плюс любой налог, который может взиматься в отношении морального ущерба;
  - (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода начисления пени, плюс три процентных пункта.
6. *Отклонил* остальные претензии заявителей на справедливую компенсацию.

Составлено на английском языке, уведомление в письменной форме направлено 29 июня 2021 г. в соответствии с пп. 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Милан Блашко
Секретарь

Пол Лемменс
Председатель

В соответствии с п. 2 ст. 45 Конвенции и п. 2 правила 74 Регламента суда к настоящему постановлению прилагается отдельное мнение судьи Дедова.

П.Л.
М.Б.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕДОВА

1. Я сожалею, что не могу согласиться с большинством в том, что имело место нарушение ст. 10 Конвенции. Суд счел, что заявители не имели права входить в общественное здание и что их арест полицией был оправдан, однако их уголовные осуждения не отвечали насущной социальной потребности, поскольку причины, приведенные в обоснование обвинительного приговора заявителей, не были «относящимися к делу и достаточными» для целей п. 2 ст. 10 Конвенции (см. п. 35). Поэтому акцент был сделан на адекватность реакции Властей. По мнению Суда, реакция была пропорциональной в начале, но не соразмерной в конце разбирательства, поскольку санкция, наложенная на заявителей в настоящем деле, не была соразмерна цели наказания за их преступное поведение, а вмешательство в рассматриваемом вопросе было даже «не нужным в демократическом обществе».

2. Большинство обращало мало внимания на то, как заявители выражали свое мнение, они ограничили этот фактор начальной стадией вмешательства (задержания) и не дали правовой оценки этим фактическим обстоятельствам. Национальные суды, напротив, сосредоточили свое внимание на поведении заявителей, которое сыграло центральную роль для правовой характеристики ситуации как массового беспорядка. Суд признал, что поведение заявителей было подрывным, но строгость санкции помешала Суду поддержать вывод национальных судов.

3. Суровость наказания – два с половиной года лишения свободы – является пограничным вопросом в настоящем деле, поэтому национальные власти должны пользоваться определенной свободой усмотрения. Однако при установлении баланса между правами личности и общественными интересами Суд придает особое значение свободе слова. Я, конечно, согласен с таким подходом. Однако не следует забывать, что этот подход является теоретическим и даже идеалистическим, поэтому он зависит от определенных критериев. Идеальная ситуация, при которой свобода слова была бы максимальной, – это когда поднятый вопрос имеет общественное значение для устойчивого развития и социального прогресса; когда мнение выражается в вежливой, уважительной манере, которая может быть шокирующей и провокационной, но не оскорбительной, агрессивной или насильственной; и когда мнение состоит из рациональных аргументов, имеющих право на начало публичных дебатов.

4. В настоящем деле поведение заявителей не соответствовало ни одному из вышеперечисленных критериев и в конечном итоге подрывало важность этого индивидуального права в рамках анализа справедливого баланса. Заявители высказали свое мнение по очень спорному вопросу о социальных пособиях, которые были плохо структурированы, охватывали почти половину населения, были трудными в управлении и очень обременительными для государственного бюджета. Очевидно, что рассматриваемые реформы

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЕЖОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ» были необходимы в то время. Заявители выражали свое мнение неразумно и очень агрессивно, уничтожая имущество, пугая невинных людей, ссылаясь на чрезвычайную ситуацию, неся пистолеты с гвоздями, которые могли случайно ранить других людей, и использовали петарды, которые могли вызвать пожар. Они захватили государственное здание (по словам очевидцев, «происходила вооруженная осада здания»), что было признано в США «внутренним терроризмом». История «Национал-большевистской партии» насчитывает шестнадцать захватов общественных зданий, поэтому «леденящий душу эффект», на мой взгляд, был необходим в настоящем деле.

5. Согласно Конвенции, свобода слова не является абсолютной. Однако либеральный подход делает его почти абсолютным, поскольку он допускает негативную реакцию только в случае насилия и допускает действия, которые являются опасными, агрессивными, деструктивными, угрожающими, пугающими, но на самом деле не насильственными. Свобода слова родилась, когда уже не оставалось сил терпеть несправедливость и бесчеловечное обращение.

6. Сейчас моральная ситуация изменилась на противоположную: неравенство и несправедливость значительно сократились, но способ выражения мнений стал трудно переносимым. Это результат радикального либерального подхода, который поддерживает видение свободы слова, которое далеко отходит от рациональных дебатов и становится неотличимым от хулиганства. Эта ситуация неизбежно требует целостного подхода со стороны Суда.